

имуществами духовенства. Он так и сделал. И буржуазии, действительно, скоро пришлось согласиться на эти меры, так как, вложивши свои деньги в государственные займы, она вовсе не хотела потерять их при банкротстве государства. Но как могли согласиться на такое посягательство на их имущества со стороны государства король, двор и высшее духовенство?

Странное чувство должно было овладевать умами в августе и сентябре 1789 г. Вот, наконец, исполнились желания стольких лет. Во Франции создано, наконец, Национальное собрание, и оно облечено законодательной властью. Оно охотно поддается демократическим преобразовательным стремлениям, и все-таки оно бессильно до смешного. Собрание может издать те или иные законы для предотвращения банкротства; но король, двор, принцы откажутся утвердить их. Точно выходцы с того света, они еще имеют силу задушить представительство французского народа, парализовать его волю, протянуть до бесконечности временное положение.

Мало того, эти привидения все время собираются сделать решительный шаг против Собрания. Вокруг короля обсуждаются новые планы его побега. Он уедет в скором времени в Рамбулье или в Орлеан или же станет во главе войск, расположенных к западу от Версаля, и оттуда будет угрожать и Версалю, и Парижу. Или, наконец, он бежит к восточной границе и там будет ждать немецких и австрийских войск. Во дворце сталкиваются всевозможные влияния: влияние королевы, влияние герцога Орлеанского, мечтающего завладеть престолом после отъезда короля, влияние «Monsieur», т. е. брата Людовика XVI, который был бы очень рад, если бы и король, и Мария-Антуанета, с которой у него личная вражда, могли бы куда-нибудь исчезнуть.

С сентября двор задумывал побег; обсуждались различные планы, но ни на одном из них не решались остановиться. Нет сомнения, что Людовик XVI и в особенности королева мечтали повторить, но с большим успехом, историю английского короля Карла I и вступить, как он сделал, в открытую войну с парламентом. История английского короля, по-видимому, не давала им покоя; утверждают даже, что единственная книга, которую Людовик XVI выписал из своей версальской библиотеки в Париж после 6 октября, когда он должен был переселиться в Париж, была история Карла I. Эта история точно гипнотизировала их; но они читали ее так, как заключенные в тюрьме читают уголовные романы. Они не делали из нее выводов относительно необходимости своевременных уступок, а думали только: «Вот здесь нужно было сопротивляться; здесь нужно было действовать хитростью, а вот тут нужно было проявить решимость!» Не так же ли читает теперь русский царь историю Людовика XVI и Карла I?...¹ И вот они устраивали всевозможные планы, привести которые в исполнение ни у них, ни у их окружающих не хватало смелости.

С другой стороны, революция тоже туманила их взоры: они видели готовившееся поглотить их чудовище и не решались ни подчиниться ему, ни сопротивляться. Париж, все время собиравшийся идти на Версаль, внушал им ужас и парализовал их волю: «А что если в самый решительный момент борьбы войско поддастся? Что если военные начальники изменят королю, как изменили ему уже столько других? Тогда останется только разделить участь Карла I!».

А тем временем они все-таки продолжали обсуждать свои тайные планы. Ни король, ни его окружающие, ни вообще привилегированные классы не могли понять, что время маленьких уступок и заговоров давно прошло; что теперь уже ничего не остается, как откровенно признать новую, народившуюся силу и стать под ее покровительство, тем более что Собрание с величайшей охотой взяло бы короля под свою защиту. Вместо этого они устраивали заговоры и тем толкали даже самых умеренных членов Собрания к контрзаговорам, т. е. в революционный лагерь. Вот почему Мирабо и другие депутаты, которые охотно бы способствовали установлению очень скромно ограниченной монархии, пошли поневоле вместе с более крайними группами. И вот почему такие умеренные люди, как Дюпор, устроили «конфедерацию клубов», дававшую возможность держать народ постоянно наготове, в чем уже предчувствовалась близкая надобность.

Поход 5 октября на Версаль произошел не так внезапно, как обыкновенно рассказывают. Всякое народное движение, даже во время революции, должно быть подготовлено агитаторами из народа, и ему всегда предшествует ряд неудавшихся попыток в том же направлении. Так, еще 30 августа маркиз де Сент-Юрюж, один из популярных ораторов Пале-Рояля, хотел идти на Версаль во главе полутора тысяч человек, чтобы требовать удаления «невежественных, подкупленных и подозрительных депутатов», отстаивающих «задерживающее вето короля». А народ в то же время грозился сжечь поместья

---

¹ Оставляю эти строки так, как они были написаны в 1909 г.